

М. Г. Мацкевич

ВРЕМЕНА ВЫБИРАЮТ: ОБРАЗЫ ЖЕЛАЕМОГО ПРОШЛОГО ГЛАЗАМИ РОССИЯН

Мария Георгиевна Мацкевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института — филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург). Для связи с автором: mmatskevich@yandex.ru.

Аннотация. В статье на основе вторичного анализа данных общероссийских количественных и качественных социологических исследований рассматривается вопрос об отношении россиян к различным периодам в истории страны. Опросы последних 20 лет фиксируют рост предпочтений настоящего прошлому при сохранении относительной привлекательности позднесоветского периода. Тот факт, что эта тенденция, хотя и с разной степенью выраженности, прослеживается во всех возрастных когортах, трактуется автором как свидетельство того, что близкие по смыслу образы прошлого формировались и продвигались как в коммуникативной, так и в культурной памяти. Политика памяти, конструирующая образы недавнего прошлого, не противоречила представлениям, транслируемым семейной памятью. Данные количественных и качественных исследований говорят о доминировании преимущественно негативного образа 1900-х годов и позитивного — брежневской эпохи.

Протестировав существующие объяснения причин сохраняющейся популярности брежневских времен как желаемого прошлого, автор приходит к выводу, что каждое из них справедливо в той мере, в какой оно не претендует на исключительность. В утверждении образа позднего СССР как золотого века в российской истории сыграли свою роль и ностальгия (в расширительной ее трактовке), и проводимая государством политика памяти, и тяготы 1990-х, и многие другие факторы. Вместе с тем исследование еще раз подтверждает, что в восприятии прошлого доминирует презентизм и отношение к нему в решающей степени зависит от актуальных событий и текущей ситуации. По оценке автора, в сегодняшней России идеализированный образ позднесоветского периода оказывается тем, что Пьер Нора называл «местом памяти». И то, что с подробной картой этого «места памяти» знакомы не все россияне, не препятствует его символической значимости.

Ключевые слова: желаемое прошлое, «место памяти», презентизм, культурная память, коммуникативная память, социологические исследования

Введение

«В каком времени вы хотели бы жить, если бы была такая возможность?» — этот вопрос в той или иной форме задают российские социологи уже более двух десятилетий. Подобных формулировок на английском или французском языке ни в академических исследованиях, ни в массовых опросах найти не удастся¹. Иногда респондентов, правда, спрашивают, считают ли они, что современность лучше прошлого, — как это делает, в частности, Pew Research Center². В России же популярным стал вариант, не просто сравнивающий настоящее и прошлое, но предлагающий выбрать время, в котором хотелось бы жить.

С 1992 г. в анкеты ВЦИОМ, а затем и Левада-центра* включался вопрос: «Было бы лучше, если бы в стране все оставалось так, как было до 1985 г.?» Этот вопрос задавался и отдельно³, и при выяснении отношения к экономической реформе⁴, и для фиксации стремления вернуться в прошлое⁵. Понятно, что в качестве модели для сравнения с настоящим использовался образ недавнего (тогда) прошлого — СССР 1970-х — начала 1980-х годов.

В начале 2000-х годов рождаются новые формулировки. В анкетах российских полстеров появляется вопрос о «желаемом» времени, в котором предпочли бы жить респонденты. В том или ином виде этот вопрос стали задавать все компании «большой тройки» — ФОМ, ВЦИОМ и Левада-центр*. Формулировка приобрела такую популярность, что проникла и в академические исследования, например в мониторинг, который проводит Институт социологии ФНИСЦ РАН.

По смыслу вопросы о желаемом прошлом близки к тем, которые задают зарубежные коллеги: методологически они работают как оценки респондентами текущей ситуации и происходящих изменений. Однако социальный, экономический и политический контексты существенно отличаются: трансформации, которые имели и имеют место в России, придают дополнительные смыслы сравнению настоящего и прошлого. Отношение респондентов к жизни в прошлом коррелирует с их оценками актуальных событий и общего направления развития страны: чем более позитивно оценивается современность, тем чаще респонденты хотят жить в настоящем, и наоборот.

За последние три десятилетия установки и оценки настоящего и прошлого дважды серьезно изменились: в 1993—1994 гг. и в середине 2000-х годов. В 1990-х годах россияне предпочитали прошлое (или его образ). Так, в 1993 г. 46% выбирали жизнь «до 1985 г.», а 30% подобная перспектива не привлекала. В 1999 г. перевес первых был уже почти двукратным: 51 и 27% соответственно⁶. Борис Дубин связывает это с началом экономических реформ, общим ухудшением экономической ситуации, растущим недовольством переменами и чувством униженности. По его мнению, идеализированный образ брежневской эпохи начал складываться уже тогда — как антитеза бедам и проблемам настоящего⁷. Аналогичное объяснение, как правило, предлагают и другие авторы⁸.

С 2004 г. исследователи диагностируют перелом тренда: доли согласных и не согласных с тем, что «как до перестройки» было бы лучше,

¹ Они встречаются разве что на интернет-форумах, авторских сайтах и в блогах.

² Poushter 2017.

³ Левада 2002: 8.

⁴ Мониторинг 1994: 66.

⁵ Левада 2002: 10.

⁶ Там же: 8.

⁷ Дубин 2011: 51—52.

⁸ См., напр. Абрамов 2013; Омельченко и Андреева 2017; Латов 2018: 125, 130—131; Горшков (ред.) 2022: 65.

⁹ *Единый архив б.г.*

практически сравнялись: 44 и 46% соответственно. В 2006 г. не согласных стало больше, чем согласных (48 против 40%)⁹.

В 2002 г. к упомянутому выше вопросу добавился новый, близкий по смыслу: «В какую эпоху вы предпочли бы жить?» Новая формулировка зафиксировала ту же тенденцию: с середины 2000-х годов россияне стали предпочитать жизнь в настоящем времени. Чем ближе дата опроса к сегодняшнему дню, тем отчетливее перевес в пользу настоящего. Поэтому о популярности того или иного периода в прошлом можно говорить лишь в сравнении с другими эпохами, в которые россиянам хотелось бы жить. И в этом случае среди тех, кто выбирает «альтернативное» время (около трети опрошенных), подавляющее большинство (от 60% до 80% в разные годы) останавливается на брежневском периоде.

По данным ВЦИОМ, в 2005 г. СССР Брежнева выбирало меньше (хотя и ненамного) респондентов, чем современную Россию: 31 и 39% соответственно. С 2006 г. окончательно возобладало настоящее — его выбирали в два раза чаще, чем брежневскую эпоху¹⁰. Остальные периоды пользовались незначительной популярностью. Респонденты не хотели жить в более отдаленном прошлом, как бы его ни называли авторы анкеты: «XIX век», «до революции», «царская Россия» и т.д. Не привлекали их и период перестройки и 1990-е годы: вне зависимости от формулировок, дробности шкалы, открытой или закрытой формы вопроса этим временам отдавали предпочтение лишь 1—3% респондентов.

Выбор в пользу настоящего может объясняться несколькими обстоятельствами. Одно из них — это смена поколений: среди участников опросов появились молодые люди, имевшие минимальный опыт жизни в Советском Союзе или не имевшие его вовсе. В этих условиях особенно сильно дала о себе знать присущая молодежи склонность жить настоящим и будущим, а не прошлым. Но не меньшую роль, вероятно, сыграло общее изменение общественных настроений. Начиная с середины 2000-х годов все исследования фиксировали рост позитивных оценок ситуации в стране, и удовлетворенность актуальным состоянием дел способствовала уменьшению числа желающих возвращения прошлого.

Несмотря на указанные изменения, относительная популярность брежневской эпохи как периода, в который хотели бы жить респонденты, сохранилась. Чаще всего такое положение вещей объясняют следующими причинами.

1. Ностальгия. Люди испытывают теплые чувства к годам молодости и тоскуют по временам, когда они были полны сил и надежд¹¹. Для многих россиян — это 1970—1980-е годы.

2. Трансляция средствами культурной и коммуникативной памяти (в терминологии Яна Ассмана¹²) идеализированного образа последних 15—20 советских лет. В конструировании такого образа активно участвуют самые разные акторы — от семьи и друзей до государства, проводящего свою политику памяти¹³.

¹⁰ *Возвращение Путина 2011.*

¹¹ *Davis 1979; Boym 2001; Pickering and Keightley 2006; Boele, Noordenbos, and Robbe (eds) 2021; Утехин 2021 и др.*

¹² *Assmann 2008.*

¹³ *О роли политики памяти как части символической политики и вкладе в нее различных акторов см., напр. Бараиш 2017; Малинова 2017; Омельченко и Андреева 2017; Латов 2018; Петухов 2020; Анискин и Бубнов 2020; Долгов 2022.*

3. Противопоставление брежневского периода трансформациям 1990-х годов, которые оцениваются преимущественно негативно как теми, кто ощутил на себе тяготы того времени, так и более младшими поколениями¹⁴. Такие оценки звучат и в СМИ, и в опросах, и в биографических интервью. И здесь необходимо учитывать один очень важный момент. Память избирательна, и воспоминания неизбежно подвергаются фильтрации¹⁵, в том числе под влиянием окружения, поскольку одна из функций коллективной памяти — поддержание групповой идентичности, чувства принадлежности к сообществу¹⁶. Человек, в чьем ближайшем окружении доминирует определенный взгляд на какой-то период времени, особенно если он преобладает и в медиасреде, при выстраивании нарратива в своем публичном высказывании с высокой долей вероятности будет стараться соответствовать тому, что кажется ему общепринятым и социально одобряемым. Ситуация усугубляется тем, что трансформации 1990-х годов во многих случаях описываются через личные и семейные трагедии, как опыт страданий обычных людей, а эмоции играют чрезвычайно важную роль в трансляции воспоминаний. В подобных условиях альтернативные воспоминания и оценки — удел абсолютного меньшинства, о чем свидетельствуют результаты всех исследований, затрагивающих восприятие 1990-х годов.

Все приведенные объяснения того, почему выбирающие прошлое в основном предпочитают брежневскую эпоху, выглядят убедительными, но чтобы определить, влияние каких факторов было наиболее значимым, следует посмотреть, как формулировались вопросы и возможные варианты ответов в анкетах полстеров и как менялись тенденции на протяжении последних десятилетий.

¹⁴ См., напр. Shevchenko 2009; Омельченко и Андреева 2013; Малинова 2018; Мерзлякова 2019; Ценностная социализация 2019; Восприятие «девяностых» 2020.

¹⁵ Thomson 2011: 80; Fivush et al. 2011.

¹⁶ Halbwachs 1950; Thomson 2011: 90.

Как задают вопросы о желаемом прошлом?

Как уже говорилось, с 1992 г. ВЦИОМ, а потом и Левада-центр* использовали формулировку: «Согласны ли Вы с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до 1985 г.?» В 2002 г. появился практически «модельный» для последних 20 лет вопрос: «В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?» (см. табл. 1). Вариант, который использует Левада-центр*: «Если бы можно было начать свою жизнь заново, в какое время вы предпочли бы жить?» (см. табл. 2). Почти так же звучит вопрос, фигурирующий в анкетах Института социологии ФНИСЦ РАН: «Если бы это зависело от Вас, в какую эпоху истории России Вы хотели бы жить?» (см. табл. 3). Формулировка ФОМ состоит из двух частей: закрытый вопрос «Вы бы хотели или не хотели бы родиться и жить в другом времени, если бы у вас была такая возможность?» и уточняющий открытый «В каком времени вы бы хотели родиться и жить?» (см. табл. 4).

Еще один вариант вопроса о «желаемом прошлом» использовался в совместном исследовании ВЦИОМ и журнала «Историк» в 2023 г.: «Представьте, что у Вас есть возможность отправиться в путешествие во времени. В каком веке в России Вы хотели бы побывать?»

(см. табл. 5). Вопрос задавался в открытой форме, затем ответы кодировались и группировались.

Таблица 1 Желаемое прошлое в опросах ВЦИОМ (2005–2011 гг.)

<i>В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность? (закрытый вопрос, один ответ)</i>	<i>2005</i>	<i>2006</i>	<i>2011</i>
В России последней трети XIX — начала XX веков	4	4	6
В СССР в период И.Сталина	6	4	5
В СССР в период Л.Брежнева	31	26	24
В России времен Б.Ельцина	1	1	2
В современной России	39	52	47
В другую эпоху	13	8	4
Затрудняюсь ответить	7	6	12

Источник: «Возвращение Путина: „неозастой“ — или новый импульс к развитию страны?». (2011) // *ВЦИОМ*, 22.11. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/-vozvrashhenie-putina-neozastoj-ili-novyy-impuls-k-razvitiyu-strany->.

Таблица 2 Желаемое прошлое в опросах Левада-центра* (2002–2017 гг.)

<i>Если бы можно было начать свою жизнь заново, в какое время вы предпочли бы жить? (закрытый вопрос, один ответ)</i>	<i>Октябрь 2002</i>	<i>Март 2017</i>
В России до 1917 г.	5	4
В годы сталинских пятилеток	3	4
Во время хрущевской «оттепели»	3	6
В «брежневские» годы	39	28
Во время перестройки и начала экономических реформ	3	3
Сейчас, при президенте Владимире Путине	23	33
Предпочел(-ла) бы жить в другой стране	17	11
Затруднились ответить	8	11

Источник: «Октябрьская революция». (2017) // *Левада-центр**, 05.04. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolyutsiya-2/?ysclid=lljlym1fs3336613794>.

Таблица 3 Желаемое прошлое в опросах Института социологии ФНИСЦ РАН (2020 г.)

<i>Если бы это зависело от Вас, в какую эпоху истории России Вы хотели бы жить?</i>	<i>Все опрошенные</i>	<i>18—30 лет</i>	<i>31—40 лет</i>	<i>41—50 лет</i>	<i>51—60 лет</i>	<i>60 лет и старше</i>
В современной России	34	41	44	34	22	25
В СССР в период Л.Брежневца	25	8	15	23	41	42
В России последней трети XIX — начала XX в.	4	5	4	4	3	3
В СССР в период И.Сталина	3	5	2	5	3	2
В период «перестройки» М.Горбачева	1	1	1	0	1	0
В России времен Б. Ельцина	1	1	0	0	0	1
В другую эпоху	1	3	1	1	1	2
Затруднились ответить	31	36	33	33	29	25

Источник: Горшков М.К., ред. (2022) *Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения)*. М.: Весь Мир: 25.

Таблица 4 Желаемое прошлое в представлениях молодых людей в опросах ФОМ (2014 г.)

<i>Вы бы хотели или не хотели бы родиться и жить в другом времени, если бы у вас была такая возможность?</i>	<i>Да</i>	<i>Нет</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>
Все опрошенные	19	72	9
18—22 лет	24	67	9
23—27 лет	18	73	10
28—30 лет	16	75	8
<i>В каком времени вы бы хотели родиться и жить? ¹⁷</i>			
Времена СССР, 50—70-е годы 20 века	6		
Будущее	3		
17—18 век	2		
80—90-е годы 20 века	2		
19 век	1		
Средние века	1		
Древние времена	1		
Другое	1		

¹⁷ *Вопрос задавался тем, кто хотел бы родиться и жить в другом времени.*

Источник: «Опрос молодых о желании жить в другом месте и в другое время». (2014) // *ФОМ*, 28.09. URL: <https://fom.ru/TSennosti/12875>.

Таблица 5 Путешествия во времени в опросе ВЦИОМ и журнала «Историк» (2023 г.)

Представьте, что у Вас есть возможность отправиться в путешествие во времени. В каком веке в России Вы хотели бы побывать?	Все опрошенные	Пол		Возраст					60 лет и старше
		Муж	Жен	18–24	25–34	35–44	45–59	лет	
				года	года	года	лет		
БУДУЩЕЕ	3	4	3	6	3	2	3	3	3
XXI ВЕК	10	8	11	16	12	11	6	9	9
XXI век в целом	6	6	6	14	9	6	2	4	4
В настоящем времени	4	2	5	2	4	5	4	5	5
XX ВЕК	29	29	27	22	21	24	30	35	35
XX век в целом	18	19	17	17	14	16	20	21	21
Советский Союз	4	3	4	4	2	2	2	8	8
Вторая половина XX века	3	3	3	1	2	2	5	4	4
Начало XX века	2	2	1	1	2	2	2	1	1
Конец XX века	1	1	1	0	1	2	1	0	0
Вторая мировая война	1	1	0	0	1	1	1	0	0
XIX ВЕК	16	15	16	18	24	13	13	13	13
XVIII ВЕК	12	9	13	6	11	14	14	10	10
XVIII век в целом	8	7	10	2	9	11	9	7	7
Времена Петра I	2	2	2	3	1	1	3	2	2
Времена Екатерины II	1	0	1	0	0	1	1	1	1
Царское время	1	1	1	1	0	1	1	0	0
ДО XVIII ВЕКА	6	9	4	3	6	8	8	5	5
XVII век	3	3	2	1	5	3	3	2	2
XV–XVI века	2	3	1	1	2	3	2	1	1
XIII–XIV века	1	2	0	0	0	1	2	1	1
Времена Рюриковичей	1	1	0	0	0	1	0	1	1
Другое	3	5	2	2	4	4	4	3	3
Нет таких	2	2	2	6	2	2	1	2	2
Затрудняюсь ответить	20	19	21	21	16	22	21	20	20

Источник: «Путешествие по отечественной истории», (2023) // ВЦИОМ, 27.03. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analytical-reviews/obzor/puteshestvie-po-otechestvennoy-istorii?ysclid=lla2qcrmv896091454>.

Некоторые трудности в интерпретации результатов этого исследования связаны с тем, что формулировка вопроса («в каком веке») могла подталкивать к мысли о путешествии именно в прошлое. Возможно, этим объясняется крайне незначительное количество тех, кто хотел бы побывать в будущем, в том числе среди молодых людей (6% при средних 3%). Правда, не исключено, что часть ответов «в XXI веке в целом» тоже относится к будущему, пусть и не столь отдаленному. Впрочем, это лишь предположение, и невозможно узнать, какая доля респондентов имела в виду близкое будущее, а какая — настоящее. Тем более что, несмотря на заданную тему (путешествия во времени), 4% опрошенных выразили желание побывать «в настоящем времени», что практически не отличается от варианта «будущее» (3%) без указания на век (а именно к обозначению конкретного периода подталкивали авторы вопроса).

Представляется, что за такой формулировкой стояло стремление минимизировать влияние отношения к настоящему на восприятие прошлого, поскольку речь в исследовании шла об интересе к истории. Тем не менее и здесь видна «популярность» советской эпохи. Для перемещения во времени чаще всего выбирался XX век (29% упоминаний), и отдельно отмечался советский период («Советский Союз», «вторая половина XX века», «Вторая мировая война» — 8% упоминаний) при крайне незначительном интересе к началу XX в. (2%), что бы ни подразумевали респонденты — дореволюционную историю или первые годы советской власти. Судя по приведенным данным, россияне предпочитают близкое и более знакомое прошлое всему остальному: будущему, настоящему и давнему прошлому. Все они по популярности даже уступают варианту «затрудняюсь ответить» (20%): XXI век — 10%, XIX век — 16%, XVIII век — 12%, а более отдаленные времена в сумме набирают 6% упоминаний.

К сожалению, опубликованные данные не проясняют, стоит ли за желанием россиян путешествовать во времени исключительно любопытство, или к нему добавляются и другие мотивы. На последнюю мысль наводит чрезвычайно высокая популярность среди русскоязычных читателей такого жанра, как литература о «попаданцах» — людях, оказавшихся в другом времени. В 2022 г. редакция одного из научно-популярных изданий опубликовала обзор, подготовленный Николаем Кульбакой¹⁸. Он обратился к базе «Полная энциклопедия попаданцев в прошлое»¹⁹, в которую включены не только традиционные «бумажные» книги, но и обширный корпус онлайн-литературы, публикуемой на различных «самиздатовских» порталах — около 2500 текстов, причем за последнее десятилетие их число выросло более чем в 10 раз. Среди авторов — и профессиональные литераторы, и авторы-любители (что не мешает им привлекать множество читателей — часто существенно больше, чем тиражи «бумажных» книг). В числе интересных тенденций, выявленных Кульбакой, — распределение исторических периодов, куда отправляются персонажи, а также результатов путешествия в прошлое.

¹⁸ Кульбака 2022.

¹⁹ Полная энциклопедия б.з.

Практически всегда «попаданцы» меняют ход истории: выигрываются проигранные войны и сражения, исторические победы достигаются быстрее и с меньшими жертвами, отменяются революции или меняется их исход и т.п. «Пиковый» период — Великая Отечественная / Вторая мировая война (256 книг), то есть событие советского периода, которое не только авторы литературных произведений, но и все россияне считают наиболее важным и которое вызывает наибольшую гордость²⁰. На втором месте, с большим отрывом, — эпоха 1914—1922 гг., включающая Первую мировую войну, Революцию и Гражданскую войну (102 книги), на третьем — Русско-японская война 1905 г.²¹ (33 книги). Другим периодам посвящено существенно меньше текстов.

²⁰ См., напр. *Восприятие населением 2009*; *Петухов и Бараиш 2014*: 90; *Ценностная солидаризация 2019*; *Горшков (ред.) 2022*: 59.

²¹ «Такое ощущение, — замечает Кульбака, — что для многих авторов проигрыш в этой войне был тем событием, с которого „все пошло не так“» (*Кульбака 2022*).

Популярность подобной литературы вполне возможно трактовать как свидетельство того, что россиянам достаточно со стороны наблюдать за происходящим. В исследовании же ВЦИОМ и журнала «Историк» респондентам фактически предложили встать на место «попаданцев», что вызвало меньше энтузиазма.

Как уже отмечалось, формулировка вопроса мало влияет на общие тренды. Все исследователи фиксируют сходные тенденции: чем ближе к сегодняшнему дню дата опроса, тем заметнее перевес предпочтений настоящего прошлому. Перелом, повторим, относится к 2004—2006 гг.: именно в этот период не только молодежь до 30 лет, но и люди среднего возраста стали чаще предпочитать современность истории.

Какой исторический период чаще всего выбирают респонденты?

Вне зависимости от исследовательской компании, анкетных формулировок и времени проведения опроса, если респондента в принципе прошлое привлекает больше, чем настоящее, он выбирает позднесоветский период. Так поступают и более молодые, и старшие возрастные группы. Главное изменение, которое случилось за последние два десятилетия, — сравнительное снижение популярности опции «прошлое» (в том числе советского прошлого) при существенном росте привлекательности жизни в настоящем (см. *табл. 1 и 2*).

Как видно из *табл. 3*, во всех возрастных группах, родившихся не ранее 1970 г., большинство предпочло бы жить в настоящем. В среднем по выборке прошлое выбирают не более трети, и среди них свыше половины останавливаются на периоде позднего СССР. В основном это представители старших поколений: вплоть до последнего времени среди тех, кто родился не позднее 1970 г., в полтора-два раза больше тех, кто предпочел бы жить не в настоящем, а в эпоху Брежнева (см. *табл. 3*). В свою очередь те, кому сегодня нет и 30 лет, в 3—5 раз чаще выбирают настоящее (см. *табл. 3 и 4*).

Говорит ли выбор прошлого о желании действительно там оказаться или вернуть существовавшие тогда ограничения в экономике, общественной и политической жизни?

Анализируя пиковые предпочтения в пользу советской истории, Юрий Левада отмечал, что симпатии к прошлому не тождественны реальному желанию туда вернуться²². Этот вывод подтверждают данные

²² *Левада 2002*.

практически всех исследовательских компаний. Например, опрос, проведенный ФОМ в 2006 г., показал, что сторонники возврата в брежневские времена преобладают только в старших возрастных группах. Более того, если среди родившихся до 1950 г. вернуть их хотели бы 53% при 30% выступающих против, то среди родившихся в 1951—1970 гг. соотношение составляет уже 44% к 39%. Что касается представителей младших возрастных групп, то более половины из них перспектива вернуться туда не привлекает — даже тех, кто в целом позитивно относится к этому периоду²³. Результаты не зависят от метода исследования: так, в 2020 г. в дискуссионных фокус-группах молодые люди довольно скептически оценивали условия позднего СССР и не желали бы их для себя²⁴.

²³ Л. И. Брежнев
2006.

²⁴ Горшков (ред.)
2022: 147.

В мониторинге Института социологии ФНИСЦ РАН есть вопрос не только о желаемом прошлом, но и о том, какие эпохи в историческом развитии страны в наибольшей степени отвечают идеалам респондента²⁵. В 2020 г. 43% либо затруднились с ответом, либо не нашли идеала ни в отдаленном, ни в близком прошлом, причем этот показатель достаточно устойчив на протяжении нескольких лет²⁶.

²⁵ Там же: 23.

²⁶ Там же: 25.

Даже в 1990-е годы, когда симпатии к периоду до 1985 г. достигали максимальных значений, люди жили текущими заботами. Недовольство трансформациями и связанные с ними неурядицы порождали отторжение любых изменений, но и в этих условиях россияне отчетливо осознавали невозможность возвращения «к тому, что было при советской власти» (в 1994 г. этой точки зрения придерживались 70%, в 2001 г. — 76%²⁷). При этом большинство проводившихся в 1990-х годах замеров фиксировали преобладание негативных оценок практически всех сторон жизни — экономических реформ и личного материального положения, политической ситуации, межнациональных отношений. Нарастали тревога, пессимизм, неуверенность в ближайшем и отдаленном будущем, недоверие к общественным и государственным институтам, усталость от проблем²⁸. Чем больше россияне тревожились о настоящем и будущем, чем меньше доверяли государственным и общественным институтам, тем выше были их оценки недавнего прошлого.

²⁷ Левада 2002: 12.

²⁸ См., напр. Отношение россиян 1993: 30—35; Настроения, мнения и оценки 1993, 1994, 1998.

На основе приведенных данных можно с достаточной степенью уверенности предположить, что идеализированный образ «эпохи стабильности» начал конструироваться в массовом сознании еще до того, как он распространился в медиа и стал транслироваться политикой памяти.

Несмотря на произошедший со второй половины 2000-х годов сдвиг в оценках настоящего к позитивной части шкалы, сохраняется разрыв между возрастными группами: чем старше человек, тем вероятнее выбор брежневских времен в качестве наиболее привлекательных. За минувшие 20 лет ушли из жизни многие представители старших возрастных групп, среди которых больше всего были распространены предпочтения советской эпохи. В свою очередь в группы старших и средних возрастов стали переходить те, кто если и застал 1970—1980-е

годы, то в детстве или в ранней юности. Самые молодые участники сегодняшних опросов вообще родились в 1990—2000-е годы. Тем не менее привлекательность «застоя» хотя и уменьшилась, но не исчезла вовсе, в том числе среди молодых людей. А в старших поколениях, родившихся до 1970 г., уровень симпатии к нему устойчиво превышает уровень симпатии к современности.

Важно учитывать, что те, кому было от 16 до 24 лет в опросах 1994 г., — это люди, родившиеся в 1970—1978 гг. В этой группе и в 1994 г., и в 1999 г. преобладали те, кто не соглашался с тем, что лучше бы все оставалось как до 1985 г. (42% против 28—34% соглашавшихся). Среди тех, кому в 1994 г. было от 25 до 40 лет, то есть людей 1955—1969 гг. рождения, перевес в пользу настоящего был не столь значительным (41% к 34%), а спустя пять лет (в 1999 г.) предпочтения стали зеркальными (46% считали, что было бы лучше «как до 1985 г.» против 33% придерживавшихся противоположного мнения)²⁹. В 2020-е годы, по данным всех исследовательских компаний, респонденты 1960 г. рождения и старше не просто предпочитают прошлое — брежневский СССР в этих группах популярнее современности в 1,7—1,8 раза³⁰.

Таким образом, наблюдаемое сегодня преимущество настоящего перед прошлым обеспечивается за счет более молодых возрастных групп. То, что молодежь склонна выбирать настоящее, демонстрируют опросы как 1990-х годов, так и современные. Наиболее существенные перемены последних лет — это сдвиг среднего значения в пользу той позиции, которой раньше придерживались почти исключительно молодые люди.

²⁹ *Левада 2003: 13.*

³⁰ *Пипия 2020; Горшков (ред.) 2022: 25.*

**Желаемое
прошлое: образ
позднего СССР
как золотого века**

Можно ли сказать, что образ периода «застоя» как желаемого прошлого — это прежде всего следствие ностальгии старших поколений по эпохе Брежнева? Ряд исследователей отстаивает именно такую интерпретацию, активно используя термин «ностальгия»³¹. Вместе с тем немало и тех, кто либо не считает возможным применять данный термин для описания эмоций в отношении времени, которое многие ныне живущие не застали вообще или застали детьми³², либо предлагает другие термины (например, «постпамять»³³, «историческая травма»³⁴, «культурная травма»³⁵) и связанные с ними интерпретации.

³¹ *Войт 2001; Левада 2002; Lee 2011; Kalinin 2011; Абрамов 2013; Kasamara and Sorokina 2015; Омельченко и Андреева 2017; Glowacka-Grajper 2018; Boele, Noordenbos, and Robbe (eds) 2021.*

³² *Gilbert 2019; Пипия 2020.*

³³ *Бараш 2017.*

³⁴ *Абрамов 2013.*

³⁵ *Malinova 2022.*

NB! Следует отметить, что при описании феномена идеализации советского периода слово «ностальгия» часто употребляется не столько как строгое понятие, сколько как метафора. Такую трансформацию могут претерпевать и периодически претерпевают понятия из разных дисциплин. На фоне напряженных дискуссий о содержательном наполнении тех или иных категорий, связанных с конкретными теориями и методологическими перспективами, широкое распространение получают термины, не отличающиеся концептуальной строгостью. Например, в области memory stu-

dies наряду с «коллективной» и «социальной» памятью, все чаще встречается понятие «историческая память». Применение подобных не самых теоретически обоснованных понятий позволяет избежать новых витков методологических споров, особенно в случае неакадемических публикаций или работ авторов, желающих представить эмпирические данные, а не включаться в обсуждение теоретических подходов. Так, то же понятие «историческая память» активно используется в масс-медиа и государственных документах, в том числе в Конституции РФ. Именно метафоричности не в последнюю очередь обязано своей популярностью понятие «место памяти», lieu de mémoire, введенное в оборот Пьером Нора³⁶, причем популярностью настолько широкой, что даже в англоязычной академической литературе оно часто употребляется без перевода.

³⁶ Nora 1997b.

Как бы то ни было, ностальгия — одно из самых распространенных объяснений симпатий к позднесоветскому периоду. Возможно ли, что речь идет о ностальгии не столько по конкретному историческому периоду, сколько по временам молодости старших поколений? Означает ли это, что вопрос, который изначально (в 1990-е годы) был нацелен прежде всего на выявление отношения к актуальным изменениям, сегодня раскрывает скорее стремление снова оказаться молодым? Такой интерпретации противоречит практически полное отсутствие желания жить в эпоху хрущевской оттепели даже среди тех, кто родился в 1940—1950-х годах, а среди родившихся в 1970—1980-е годы — во времена Горбачева или Ельцина³⁷. Уровень симпатий к 1960-м годам (3—6%) лишь немногим выше, чем к эпохе Горбачева или Ельцина (3%)³⁸. Ту же тенденцию демонстрируют данные об отношении к фигуре Хрущева, чей рейтинг как политического деятеля выше рейтинга только крайне непопулярных Горбачева и Ельцина, хотя Хрущев вызывает меньше негативных эмоций и больше равнодушия, особенно среди молодежи³⁹.

³⁷ См., напр. Октябрьская революция 2017.

³⁸ Там же.

³⁹ Восприятие населением 2009; Покида и Зыбуновская 2016: 104; Ценностная солидаризация 2019; Горшков (ред.) 2022: 24, 29—30.

Кроме того, выбор в пользу позднесоветского периода как самого предпочтительного подвержен существенным колебаниям и гораздо сильнее связан с событиями настоящего, чем с оценкой прошлого. Наиболее ярко об этом свидетельствует снижение симпатий к эпохе Брежнева в зависимости от удовлетворенности настоящим и восприятия текущей ситуации. Колебания в уровне симпатий к прошлому способны вызвать даже такие, казалось бы, не связанные с историей и памятью события, как пандемия COVID-19. По мнению авторов монографии «Историческое сознание россиян», краткосрочные факторы, подобные пандемии, могут влиять на отношение к прошлому «через стимуляцию пессимистических умонастроений и добавление негатива в переживание текущего момента жизни общества»⁴⁰. О влиянии ситуационных обстоятельств на мировоззренческие установки респондентов говорят и данные, касающиеся других сюжетов. Так, в 2022—2023 гг. резко выросло, например, стремление жить в социалистическом, а не

⁴⁰ Горшков (ред.) 2022: 24.

капиталистическом обществе. Если в 2020 г. симпатии к социализму и капитализму были примерно на одном уровне (26 и 21% соответственно), то в середине 2022 г. социализм выбрали 48%, а капитализм — 12%. В 2023 г. это соотношение составило уже 48% против 5%⁴¹.

⁴¹ Левашов и др. 2023: 46.

⁴² Halbwachs 1950.

⁴³ Метафора Бориса Колоницкого.

⁴⁴ Hartog 2015: XV.

С одной стороны, это в целом подтверждает одно из центральных положений memory studies, восходящее к Морису Хальбваксу⁴², о зависимости представлений о прошлом от актуального настоящего. С другой стороны, подверженность колебаниям и влияние преходящих обстоятельств свидетельствуют о своего рода «торжестве презентизма»⁴³, то есть о том, что Франсуа Артог называл «тиранией настоящего времени, которое овладевает умами и заставляет их ставить ему на службу и прошлое, и будущее»⁴⁴.

⁴⁵ Л.И. Брежнев 2006; Горшков и Петухов (ред.) 2016.

В любом случае ссылки на ностальгию не в состоянии полностью объяснить, почему именно брежневский период стал олицетворением золотого века в истории страны. Ведь позитивно оценивают его (особенно в сравнении другими историческими периодами) даже многие из тех, кто не хотел бы жить в это время⁴⁵. Чтобы понять, как сложился такой образ, обратимся к ассоциациям, которые возникают у респондентов в связи с этим периодом.

⁴⁶ Пипия 2020. Сумма больше 100%, так как можно было высказать несколько суждений.

В исследовании памяти о Советском Союзе, которое Левада-центр* проводил в 2020 г., использовались разнообразные открытые вопросы о чувствах и эмоциях, связанных с СССР. У подавляющего большинства респондентов он ассоциировался со «стабильностью», «защищенностью», «порядком», «дружбой» (в том числе между народами) и т.п., что в целом дало 76% позитивных оценок при 7% отрицательных и 38% нейтральных⁴⁶. Сходный набор ассоциаций звучит и в биографических интервью: «все были в равных условиях», «работы хватало» и т.д.⁴⁷ Особенно часто об этом говорят представители старших поколений⁴⁸. Впрочем, представление о СССР как о «стране счастливых, улыбающихся, работающих людей» встречается и среди студентов⁴⁹.

⁴⁷ Омельченко и Андреева 2017: 150.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Kasamara and Sorokina 2015: 141.

Преимущественно положительный образ брежневского периода опирается на описания позднего СССР как общества с высоким уровнем равенства, защищенности и солидарности. При сравнении советского общества 1970—1980-х годов с современным российским 53% респондентов полагают, что советское было устроено более справедливо, тогда как противоположного мнения придерживаются 27%. Правда, молодежь до 30 лет настроена к современному обществу чуть благосклоннее, и более справедливым его считают 34% против 48% отдающих предпочтение советскому⁵⁰.

⁵⁰ Справедливость и несправедливость 2022.

⁵¹ Петухов и Бараш 2014: 92.

⁵² Масстикова 2019; Андреевкова 2022.

При оценке значимости таких представлений о советском прошлом необходимо учитывать актуальный общественный запрос на справедливость и солидарность. Так, по данным Института социологии РАН, в 2014 г. социальная справедливость открывала список характеристик, с которыми связывался желанный образ России будущего⁵¹. Сходную картину рисуют и фундаментальные сравнительные исследования в рамках Европейского исследования ценностей⁵², а также опросы мо-

лодых россиян последних лет. В частности, в конце 2022 г. в онлайн-опросе российской молодежи справедливость заняла первое место в рейтинге наиболее значимых ценностей, получив поддержку 81% респондентов⁵³.

Еще один фактор, способствующий идеализации советского прошлого, — сопоставление его с 1990-х годами. Применительно к этому периоду старшие и младшие поколения придерживаются почти идентичных позиций, различаясь лишь степенью выраженности негативного отношения — молодые несколько сдержаннее и дают чуть больше нейтральных оценок⁵⁴.

Существует немало работ, раскрывающих роль официальной политики памяти в формировании образа «лихих 90-х»⁵⁵. Однако влияние политики памяти, проводимой государством, имеет свои пределы. Например, несмотря на предпринимаемые усилия, интерес к дореволюционному прошлому не очень высок, а желание жить во времена более чем столетней давности минимально (см. таб. 1 и 2). Даже краткосрочное пребывание в «древности» не слишком увлекает россиян (см. табл. 5). Еще одно свидетельство ограничений, с которыми сталкиваются мнемонические акторы: публикации о репрессиях и личной ответственности за них Сталина, особенно многочисленные в перестройку и первую половину 1990-х годов, не помешали росту его популярности в последнее десятилетие. Как показывает Дарья Хлевнюк, феномен этой популярности складывается из многих факторов и требует значительно более сложных объяснений, нежели любовь россиян к «сильной руке» или отрицание ими масштаба репрессий⁵⁶.

Помимо властных институтов, заметный вклад в формирование представлений о прошлом вносит множество других акторов памяти, действующих на федеральном, региональном и локальном уровнях, а также масс-медиа⁵⁷. Необходимо также учитывать, что нарратив в отношении 1990-х годов, транслируемый в рамках государственной политики памяти, не противоречит коммуникативной, в том числе семейной, памяти. Значимость воспоминаний, передаваемых старшими поколениями младшим, чрезвычайно высока, и часто именно они ложатся в основу восприятия прошлого⁵⁸.

Оценивая роль различных источников информации в становлении своих представлений об истории, респонденты ставят семейные воспоминания (32%) ниже фильмов и сериалов (художественных и документальных — в сумме 85%) и печатных изданий (исторических романов, научных исследований и мемуаров — в сумме 56%), хотя и выше интернет-публикаций (26%), музеев (24%), учебников (21%) и специализированных программ на телевидении (13%)⁵⁹. Примечательно, однако, что в том же опросе, данные из которого приведены выше, назвать хотя бы один фильм на историческую тему смогли лишь 53%⁶⁰. Судя по всему, акцент на фильмах и исторической литературе следует рассматривать как своего рода социально одобряемое высказывание, сходное по типу с декларацией интереса к истории. Реальные исторические по-

⁵³ Попова и Гришин 2023: 148.

⁵⁴ Ценностная социализация 2019; Восприятие «девяностых» 2020.

⁵⁵ См., напр. Малинова 2017, 2018; Malinova 2022.

⁵⁶ Молотов, Максимова и Хлевнюк 2021; Blackburn and Khlevnyuk 2023.

⁵⁷ Мерзлякова 2019; Аникин и Бубнов 2020; Утехин 2021.

⁵⁸ Ries 1997; Shevchenko 2009; Erl 2011; Бараи 2017; Память о войне 2020; Горшков (ред.) 2022: 92.

⁵⁹ Горшков (ред.) 2022: 91.

⁶⁰ Там же: 31.

знания людей могут не отличаться глубиной и точностью, особенно у молодежи⁶¹.

⁶¹ См., напр. *Что мы помним 2008; История страны 2017.*

Отсутствие глубоких знаний о прошлом (что проявляется, в частности, в незнании исторических дат) может объясняться и наблюдаемым во многих странах изменением социального контекста — представлений о том, что «нужно» знать. В последние годы интерес к истории постепенно стал утрачивать характер социальной нормы даже на уровне деклараций, причем наиболее заметно — среди младших поколений. На это еще в 2009 г. обратил внимание Игорь Задорин, анализируя результаты опроса населения стран СНГ⁶². Его заключение подтверждают и данные общероссийского опроса, проведенного по аналогичной методике спустя десятилетие⁶³, и материалы фокус-групп. По свидетельству Дениса Волкова, обсуждать исторические темы на фокус-группах труднее всего с молодыми людьми — они хуже ориентируются в истории и меньше интересуются ей⁶⁴. Правда, похоже, что под «обсуждением исторических тем» исследователи чаще всего понимают разговор о политической истории, которая относительно мало занимает молодежь в силу ее отчужденности от политики (о чем пишет и сам Волков). Как бы то ни было, в опросах последних лет декларируемый интерес к истории составляет 90% при сохранении описанной выше тенденции: молодые люди более склонны заявлять, что история их не интересует. Так, в возрастной группе до 25 лет в этом признаются 27% — против 3–6% среди тех, кому больше 45 лет, и 12% среди 25–44-летних⁶⁵.

⁶² *Восприятие населениям 2009.*

⁶³ *Мацкевич 2019.*

⁶⁴ *Ценности 2020.*

⁶⁵ *Путешествие 2023.*

На переоценку россиянами роли культурных и научных источников в формировании их представлений о прошлом и недооценку роли семейной памяти и школы косвенно указывает и то, что, когда респондентов просят описать то или иное событие, немногочисленные содержательные описания по большей части не выходят за рамки школьного учебника⁶⁶.

⁶⁶ См., напр. *Колоницкий и Мацкевич 2018: 283.*

Таким образом, результаты исследований, проводившихся в разные годы и количественными, и качественными методами, позволяют говорить о том, что официальная политика памяти является лишь одним из факторов (пусть и очень существенным), влияющих на конструирование образа позднего СССР как золотого века или желаемого прошлого.

Заключение

При видимой популярности исторического прошлого, декларируемом высоком интересе к истории и массовом признании исключительной важности исторических знаний жить в прошлом хотели бы немногие — лишь около трети россиян. К этому склонны в основном старшие поколения, причем в качестве желаемого прошлого они, как правило, выбирают эпоху позднего СССР, то есть «недавнее настоящее», в котором успели пожить в более или менее сознательном возрасте. Несмотря на то что идеализация этого периода и в целом советской истории присуща не только пожилым людям, но и молодежи, подав-

ляющее большинство современных молодых людей предпочитает жить в настоящем.

Возможность побывать в недавнем прошлом вызывает у россиян существенно больший позитивный отклик, чем перспектива жизни при Ленине, Сталине, Хрущеве или даже при наиболее популярном среди советских/российских руководителей Брежнев. Можно сказать, что туризм в прошлое гораздо привлекательнее эмиграции в него.

Позитивное восприятие настоящего, преобладание желания жить в нем наблюдаются с середины 2000-х годов — об этом говорят результаты как академических исследований, так и опросов общественного мнения. До этого россияне отдавали предпочтение прошлому, хотя и понимали невозможность его возвращения. Тенденция к идеализации недавнего прошлого (1970—1980-х годов) начала складываться уже в 1993—1994 гг. как следствие трудностей и испытаний того периода.

Хотя на отношение к недавнему прошлому влияет политика памяти и транслируемые культурной и коммуникативной памятью образы, в решающей степени это отношение зависит от актуальных событий и ситуации, складывающейся сегодня. Значение могут иметь даже краткосрочные факторы, в восприятии прошлого доминирует презентизм.

В целом каждое из обозначенных в начале статьи объяснений выбора позднего СССР как желаемого прошлого справедливо в той мере, в какой оно не претендует на исключительность. Помимо государственной политики памяти в отношении как советского периода, так и 1990-х годов, серьезную роль играет коммуникативная память, передающаяся в личном общении от старших поколений к младшим. Политика памяти, которую проводят различные акторы, опирается на образы прошлого, формировавшиеся в индивидуальной и коллективной памяти начиная с последнего десятилетия прошлого века.

Ностальгия по брежневской эпохе существует как на индивидуальном уровне, так и на уровне массовых представлений, в том числе молодежи. Однако в качестве предпочтительного для жизни этот период чаще всего выбирают те, кто считает себя проигравшим в результате постсоветских трансформаций: преимущественно это пожилые и материально неблагополучные люди⁶⁷. В связи с этим наиболее продуктивной нам кажется трактовка ностальгии скорее как метафоры, которая подразумевает нечто большее, нежели субъективное восприятие некоего периода, объединяющее людей одного поколения. Подобная расширительная трактовка предполагает, что массовые представления о том или ином историческом времени решающим образом зависят от представлений о настоящем⁶⁸.

Недавние исследования показывают, что прошлое, особенно отдаленное, сейчас воспринимается в России как нечто целое, «наша история». Такому «целостному» восприятию способствуют и снижение уровня исторических знаний, прежде всего у молодежи, и ослабление эмоциональной нагруженности отношения к многим былым событиям. Вместе с тем советское прошлое выступает в качестве «места памяти»,

⁶⁷ Латов 2018: 131.

⁶⁸ Pickering and Keightley 2006: 920.

⁶⁹ Nora 1997a:
2226.

которое является частью российской гражданской идентичности, «символическим фрагментом символической общности» (по выражению Нора)⁶⁹, который скорее объединяет, чем разъединяет поколения. И то, что с подробной картой этого «места памяти» знакомы не все россияне, не препятствует его символической значимости.

Библиография

Абрамов Р. (2013) «Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия?» // *Человек*, № 5: 99—111.

Андреевкова А.В. (2022) «Вера в справедливый мир в европейской культуре» // *Социологические исследования*, № 6: 23—35. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2022/6/Andreenkova.pdf> (проверено 17.09.2023).

Аникин Д.А. и А.Ю.Бубнов. (2020) «Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти» // *Вопросы политологии*, т. 10, № 1 (53): 19—28.

Бараш Р.Э. (2017) «О некоторых причинах „советской“ ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде» // *Социологическая наука и социальная практика*, т. 5, № 4 (20): 124—151.

«Возвращение Путина: „неозастой“ — или новый импульс к развитию страны?» (2011) // *ВЦИОМ*, 22.11. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/-vozvrashhenie-putina-neozastoj-ili-povuj-impuls-k-razvitiyu-strany-> (проверено 08.09.2023).

«Восприятие „девяностых“». (2020) // *Левада-центр**, 06.04. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyatie-devyanostyh/> (проверено 8.09.2023).

«Восприятие населением новых независимых государств общей истории XX века. Аналитический отчет». (2009) // *Евразийский мониторинг*, 22.08. URL: <https://eurasiamonitor.org/issledovaniia#ul-id-18-28> (проверено 8.09.2023).

Горшков М.К., ред. (2022) *Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения)*. М.: Весь Мир.

Горшков М.К. и В.В.Петухов, ред. (2016) *Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая*. М.: Весь Мир.

Долгов А.Ю. (2022) «„Онлайн-память“ о советском прошлом: социальные сети как альтернативные арены споров об СССР» // *Политическая наука*, № 1: 191—204.

Дубин Б. (2011) *Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь*. М.: РОССПЭН.

Единый архив экономических и социологических данных. URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/timeser/?S=2229&Q=36> (проверено 8.09.2023).

«История страны: ставим „отлично“, в уме держим „неуд“». (2017) // *ВЦИОМ*, 14.09. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud> (проверено 20.09.2023).

Колоницкий Б.И. и М.Г.Мацкевич. (2018) «Десакрализация революции и антиреволюционный консенсус в современной России: юбилей 2017 года и его политическое использование/неиспользование» // *Мир России*, т. 27, № 4: 78—101. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/8012/8722> (проверено 20.09.2023).

Кульбака Н. (2022) «Чего хотят попаданцы, или Парадоксы исторической памяти» // *N+I*, 14.10. URL: <https://nplus1.ru/blog/2022/10/14/ti-popal-popadanets> (проверено 8.09.2023).

«Л.И.Брежнев и его время». (2006) // *ФОМ*, 14.12. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/dd064934> (проверено 8.09.2023).

Латов Ю.В. (2018) «Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л.И.Брежнева, Б.Н.Ельцина и В.В.Путина» // *Полис. Политические исследования*, № 5: 116—133. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2018/5/Polis-2018-5-Latov.pdf> (проверено 20.09.2023).

Левада Ю. (2002) «„Человек ностальгический“: реалии и проблемы» // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*, № 6: 7—13.

Левада Ю. (2003) «„Человек советский“: четвертая волна. Время перемен глазами общественного мнения» // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*, № 1: 8—16.

Левашов В.К., Н.М.Великая, И.С.Шушпанова, О.В.Гребняк и О.П.Новоженина. (2023) *Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года*. М.: ФНИСЦ РАН.

Малинова О.Ю. (2017) «Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа» // *Полития*, № 4 (87): 6—22. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4\(87\)-3-22.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4(87)-3-22.pdf) (проверено 20.09.2023).

Малинова О.Ю. (2018) «Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В.Путина и формирование мифа о „лихих девяностых“» // *Политическая наука*, № 3: 45—69.

Мастикова Н.С. (2019) «Восприятие социальной справедливости россиянами на основе данных европейского исследования» // *Научный результат. Социология и управление*, т. 5, № 1: 39—51. URL: <http://rflinguistics.ru/media/sociology/2019/1/39-51.pdf> (проверено 20.09.2023).

Мацкевич М. (2019) «Представления граждан России об историческом прошлом: отношение к историческим событиям и историческим деятелям (на материалах массового опроса)» // Горшков М.К., ред. *Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию В.А.Ядова)*. Международная научная конференция (Москва, 28—30 ноября 2019 г.): Сборник материалов. М.: ФНИСЦ РАН: 472—475.

Мерзлякова В.Н. (2019) «Медиатизация коллективной памяти о 1990-х гг. в рунете» // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, № 8: 289—302.

Молотов К.И., А.С.Максимова и Д.О.Хлевнюк. (2021) «Способы конструирования экспертной позиции в Youtube: видео популярных блогеров-историков о сталинских репрессиях» // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 5: 92—117. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1965/1587> (проверено 20.09.2023).

«Настроения, мнения и оценки населения в марте-октябре 1993 г.» (1993) // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения*, № 8: 36—37. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/94/26> (проверено 20.09.2023).

«Настроения, мнения и оценки населения». (1994) // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения*, № 6: 46—68. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/100/32> (проверено 20.09.2023).

«Настроения, мнения и оценки населения». (1998) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 6: 48—63. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/124/56> (проверено 20.09.2023).

«Октябрьская революция». (2017) // *Левада-центр**, 05.04. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revoljutsiya-2/?ysclid=lljlym1fs3336613794> (проверено 8.09.2023).

Омельченко Е.Л. и Ю.В.Андреева. (2017) «Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений» // *Социологические исследования*, № 11: 147—156. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2017/2017_11/Omelchenko.pdf (проверено 20.09.2023).

«Опрос молодых о желании жить в другом месте и в другое время». (2014) // *ФОМ*, 28.09. URL: <https://fom.ru/TSennosti/12875> (проверено 20.09.2023).

«Отношение россиян к политическим событиям в стране». (1993) // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения*, № 8: 30—35. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/94/26> (проверено 20.09.2023).

«Память о войне: Как в российских семьях хранят память о войне?» (2020) // *ФОМ*, 20.05. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14396> (проверено 8.09.2023).

Петухов В.В. (2020) «Идейно-политические предпочтения россиян: смена дискурса» // *Социологическая наука и социальная практика*, т. 8, № 4: 25—43.

Петухов В.В. и Р.Э.Бараш. (2014) «Русские и „Русский мир“: исторический контекст и современное прочтение» // *Политические исследования*, № 6: 83—101. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2014/66/2014-6-ПЕТУКHOV.pdf> (проверено 20.09.2023).

Пипия К. (2020) *Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе*. URL: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/03/Pamyat-o-Sovetskom-Soyuze.pdf> (проверено 8.09.2023).

Покида А.Н. и Н.В.Зыбуновская. (2016) «Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга)» // *Социологические исследования*, № 3: 98—107. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_3/98-107_Pokida_.pdf (проверено 20.09.2023).

Полная энциклопедия попаданцев в прошлое. 26-я редакция. URL: http://samlib.ru/i/isaew_a_w/poradanec26.shtml (проверено 20.09.2023).

Попова О.В. и Н.В.Гришин. (2023) «Политическая идентичность российской молодежи в самооценках и оценках экспертов» // *Политическая наука*, № 2: 140—162.

«Путешествие по отечественной истории». (2023) // *ВЦИОМ*, 27.03. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otchestvennoi-istorii?ysclid=llia2qcrmv896091454> (проверено 8.09.2023).

«Справедливость и несправедливость». (2022) // *ФОМ*, 06.10. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14469> (проверено 8.09.2023).

Утехин И.В. (2021) «Визуальные образы 1990-х в Инстаграме: Коммерциализация ностальгии» // *Tempus et Memoria*, т. 2, № 3: 60—72. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/108159/1/tetm-3-2021-07.pdf> (проверено 20.09.2023).

«Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения». (2020) // *Левада-центр**, 30.06. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoi-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/?ysclid=lmqkpwgwg146224599> (проверено 18.09.2023).

«Ценностная солидаризация и общественное доверие в России». (2019) // *ЦИРКОН*. URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/fact> (проверено 8.09.2023).

«Что мы помним и что забыли о великой войне». (2008) // *ВЦИОМ*, 20.06. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-my-pomnim-i-chto-zabyli-o-velikoj-vojne> (проверено 8.09.2023).

Assmann J. (2008) «Communicative and Cultural Memory» // Erl A. and A.Nünning, eds. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York: De Gruyter: 109—118.

Blackburn M. and D.Khlevnyuk. (2023) «Escaping the Long Shadow of Homo Sovieticus: Reassessing Stalin's Popularity and Communist Legacies in Post-Soviet Russia» // *Communist and Post-Communist Studies*, 1—20.

Boele O., B.Noordenbos, and K.Robbe, eds. (2021) *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies*. New York: Routledge.

Boym S. (2001) *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books.

Davis F. (1979) *Yearning for Yesterday: Sociology of Nostalgia*. New York: Free Press.

Erl A. (2011) «Locating Family in Cultural Memory Studies» // *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 42, no. 3: 303—318.

- Fivush R., T.Habermas, T.E.Waters, and W.Zaman. (2011) «The Making of Autobiographical Memory: Intersections of Culture, Narratives and Identity» // *International Journal of Psychology*, vol. 46, no. 5: 321–345.
- Gilbert A. (2019) «Beyond Nostalgia: Other Historical Emotions» // *History and Anthropology*, vol. 30, no. 3: 293–312.
- Głowacka-Grajper M. (2018) «Memory in Post-Communist Europe: Controversies over Identity, Conflicts, and Nostalgia» // *East European Politics and Societies*, vol. 32, no. 4: 924–935.
- Halbwachs M. (1950) *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Alcan.
- Hartog F. (2015) *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*. New York: Columbia University Press.
- Kalinin I. (2011) «Nostalgic Modernization: The Soviet Past as „Historical Horizon“» // *Slavonica*, vol. 17, no. 2:156–166.
- Kasamara V. and A.Sorokina. (2015) «Post-Soviet Collective Memory: Russian Youths about Soviet Past» // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 48, no. 2–3: 137–145.
- Lee M. (2011) «Nostalgia as a Feature of „Glocalization“: Use of the Past in Post-Soviet Russia» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 27, no. 2:158–177.
- Malinova O. (2022) «Constructing the Collective Trauma of „The Hard 1990s“ as a Disregarded Tool of Legitimation for Putin’s Authority» // *Nationalities Papers*, vol. 50, no .3: 619–623.
- Nora P. (1997a) «Comment écrire l’histoire de la France?» // Nora P., ed. *Les lieux de mémoire*. Vol. 2. Paris: Gallimard: 2219–2236.
- Nora P. (1997b) «L’ère de la commémoration» // Nora P., ed. *Les lieux de mémoire*. Vol. 3. Paris: Gallimard: 4687–4719.
- Pickering M. and E.Keightley. (2006) «The Modalities of Nostalgia» // *Current Sociology*, vol. 54, no. 6: 919–941.
- Poushter J. (2017) «Worldwide, People Divided on Whether Life Today Is Better Than in the Past» // *Pew Research Center*, 5.12. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2017/12/05/worldwide-people-divided-on-whether-life-today-is-better-than-in-the-past/> (accessed on 8.09.2023).
- Ries N. (1997) *Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika*. Ithaca, London: Cornell University Press.
- Shevchenko O. (2009) *Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow*. Bloomington: Indiana University Press.
- Thomson A. (2011) «Memory and Remembering in Oral History» // Ritchie D.A., ed. *The Oxford Handbook of Oral History*. New York: Oxford University Press: 77–95.

* Решением Минюста РФ внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

M.G.Matskevich

TIMES CAN BE CHOSEN: IMAGES OF DESIRABLE PAST IN THE EYES OF RUSSIANS

Maria G. Matskevich — Ph.D. in Sociology; Senior Research Fellow at the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St Petersburg). Email: m.matskevich@socinst.ru.

Abstract. The article, based on the secondary analysis of all-Russian quantitative and qualitative sociological research data, examines the question of the Russians' attitude to various time periods in the history of the country. Surveys over the past 20 years have documented an increase in preferences for the present over the past, while the late Soviet period is still relatively attractive. The author interprets the fact that this trend, although to a different extent, can be traced within all age cohorts, as evidence that images of the past, which were similar in their meaning, were formed and promoted in both communicative and cultural memory. The politics of memory, constructing images of the recent past, did not contradict the ideas transmitted by family memory. Data from quantitative and qualitative studies indicate the dominance of a largely negative image of the 1900s and a positive image of the Brezhnev era.

Having tested the existing explanations for the continued popularity of the Brezhnev era as a desirable past, the author comes to the conclusion that each of them is valid to the extent that it does not claim exclusivity. Nostalgia (in its broadest interpretation), the state's memory politics, the hardships of the 1990s, and many other factors played a role in establishing the image of the late USSR as a golden age in the Russian history. At the same time, the study once again confirms that presentism dominates the perception of the past, and the attitude towards the past depends to a decisive extent on the current events and the current situation. According to the author, in today's Russia, the idealized image of the late Soviet period turns out to be what Pierre Nora called a "site of memory". And the fact that not all Russians are familiar with a detailed map of this "site of memory" does not defy its symbolic significance.

Keywords: desirable past, "site of memory", presentism, cultural memory, communicative memory, sociological surveys

References

Abramov R. (2013) "Muzeifikatsija sovetskogo. Istoricheskaja travma ili nostal'gija?" [Museumification of Soviet Past: What Does It Manifest —

a Historical Trauma or Nostalgia?] // *Chelovek* [The Human Being], no 5: 99—111. (In Russ.)

Andreenkova A.V. (2022) “Vera v spravdivlyj mir v evropejskoj kul’ture” [Belief in the Just World in European Culture] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 6: 23—35. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2022/6/Andreenkova.pdf> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Anikin D.A. and A.Yu.Bubnov. (2020) “Politika pamjati v setevom prostranstve: internet kak mediator pamjati” [Politics of Memory in Virtual Space: The Internet as a Mediator of Memory] // *Voprosy politologii* [Political Science Issues], vol. 10, no. 1 (53): 19—28. (In Russ.)

Assmann J. (2008) “Communicative and Cultural Memory” // Erl A. and A.Nünning, eds. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York: De Gruyter: 109—118.

Barash R.E. (2017) “O nekotorykh pricinakh „sovetskoj“ nostalgii i osobennostjakh istoricheskoj pamjati rossijan o sovetskom periode” [Some of the Reasons for “Soviet” Nostalgia and Features of the Historical Memory of Russians about the Soviet Period] // *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial’naja praktika* [Sociological Science and Social Practice], vol. 5, no. 4: 124—151. (In Russ.)

Blackburn M. and D.Khlevnyuk. (2023) “Escaping the Long Shadow of Homo Sovieticus: Reassessing Stalin’s Popularity and Communist Legacies in Post-Soviet Russia” // *Communist and Post-Communist Studies*, 1—20.

Boele O., B.Noordenbos, and K.Robbe, eds. (2021) *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire’s Legacies*. New York: Routledge.

Boym S. (2001) *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books.

“Chto my pomnim i chto zabyli o velikoj vojne” [What Do We Remember and What Have We Forget about the Great War]. (2008) // *VTsIOM* [Russian Public Opinion Research Center], 20.06. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-my-pomnim-i-chto-zabyli-o-velikoj-vojne> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Davis F. (1979) *Yearning for Yesterday: Sociology of Nostalgia*. New York: Free Press.

Dolgov A.Yu. (2022) “„Onlajn-pamjat“ o sovetskom proshlom: sotsial’nye seti kak alternativnye areny sporov ob SSSR” [“Online Memory” of the Soviet Past: Social Networks as Alternative Arenas for Debates about USSR] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 1: 191—204. (In Russ.)

Dubin B. (2011) *Rossija nulevykh: politicheskaja kul’tura, istoricheskaja pamjat’, povsednevnaia zhizn’* [Russia of the 2000s: Political Culture, Historical Memory, Everyday Life]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Edinyj arkhiv ekonomicheskikh i sotsiologicheskikh dannykh [Unified Archive of Economic and Sociological Data]. URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/timeser/?S=2229&Q=36> (accessed on 8.09.2023) (In Russ.)

Erl A. (2011) “Locating Family in Cultural Memory Studies” // *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 42, no. 3: 303—318.

Fivush R., T.Habermas, T.E.Waters, and W.Zaman. (2011) “The Making of Autobiographical Memory: Intersections of Culture, Narratives and Identity” // *International Journal of Psychology*, vol. 46, no. 5: 321–345.

Gilbert A. (2019) “Beyond Nostalgia: Other Historical Emotions” // *History and Anthropology*, vol. 30, no. 3: 293–312.

Głowacka-Grajper M. (2018) “Memory in Post-Communist Europe: Controversies over Identity, Conflicts, and Nostalgia” // *East European Politics and Societies*, vol. 32, no. 4: 924–935.

Gorshkov M.K., ed. (2022) *Istoricheskoe soznanie rossijan: otsenki proshlogo, pamjat', simvoly (opyt sotsiologicheskogo izmerenija)* [Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Experience of Sociological Measurement)]. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Gorshkov M.K. and V.V.Petukhov, eds. (2016) *Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvertaja* [Russian Society and Challenges of the Time. Book Four]. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Halbwachs M. (1950) *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Alcan.

Hartog F. (2015) *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*. New York: Columbia University Press.

“Istorija strany: stavim „otlichno“, v ume derzhim „neud“” [History of the Country: We Put “Excellent”, Keep “Failure” in Mind]. (2017) // *VTsIOM* [The Russian Public Opinion Research Center], 14.09. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Kalinin I. (2011) “Nostalgic Modernization: The Soviet Past as „Historical Horizon“” // *Slavonica*, vol. 17, no. 2: 156–166.

Kasamara V. and A.Sorokina. (2015) “Post-Soviet Collective Memory: Russian Youths about Soviet Past” // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 48, no. 2–3: 137–145.

Kolonitskii B. and M.Matskevich. (2018) “Desakralizatsija revoljutsii i antirevoljutsionnyj konsensus v sovremennoj Rossii: jubilej 2017 goda i ego politicheskoe ispol'zovanie/neispol'zovanie” [The Desacralization of Revolution and Anti-revolution Consensus in Modern Russia: the 2017 Anniversary and Its (Non-)Use in Politics] // *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 27, no. 4: 78–101. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/8012/8722> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Kulbaka N. (2022) “Chego khotjat popadantsy, ili Paradoksy istoricheskoy pamjati” [What Do Accidental Time Travellers Want, or the Paradoxes of Historical Memory] // *N+I*, 14.10. URL: <https://nplus1.ru/blog/2022/10/14/ti-popal-popadanets> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

“L.I.Brezhnev i ego vremja” [L.I.Brezhnev and His Time]. (2006) // *FOM* [Public Opinion Foundation], 14.12. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/dd064934> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

Latov Yu.V. (2018) “Paradoksy vosprijatija sovremennymi rossijanami Rossii vremen L.I.Brezhneva, B.N.El'tsina i V.V.Putina” [Paradoxes of Memory of the Recent Past: USSR under Brezhnev, Russia under Yeltsin and Putin in Perception of the Current Generation of Russians] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 5: 116–133. URL: <https://www.>

politstudies.ru/files/File/2018/5/Polis-2018-5-Latov.pdf (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Lee M. (2011) “Nostalgia as a Feature of „Glocalization“: Use of the Past in Post-Soviet Russia” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 27, no. 2:158—177.

Levada Yu. (2002) “„Chelovek nostal’gicheskij“: realii i problemy” [“Nostalgic Person”: Realities and Problems] // *Vestnik obshchestvennogo mnenija: Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of Public Opinion: Data. Analysis. Discussions], no. 6: 7—13. (In Russ.)

Levada Yu. (2003) “„Chelovek sovetskij“: chetvertaja volna. Vremja peremen glazami obshchestvennogo mnenija” [“Soviet Person”: the 4th Wave of the Study. Time of Changes in Public Opinion] // *Vestnik obshchestvennogo mnenija: Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of Public Opinion: Data. Analysis. Discussions], no. 1: 8—16. (In Russ.)

Levashov V.K., N.M.Velikaya, I.S.Shushpanova, O.V.Grebnyak, and O.P.Novozhenina. (2023) *Kak zhivesh’, Rossija? Ekspress-informatsija. 53 etap sotsiologicheskogo monitoringa, ijun’ 2023 goda* [How Are You, Russia? Express Information. 53rd Stage of the Sociological Monitoring, June 2023]. Moscow: FNISTs RAN. (In Russ.)

Malinova O.Yu. (2017) “Kommemoratsija istoricheskikh sobytij kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel’nogo analiza” [Commemoration of Historical Events as Instrument of Symbolic Policy: Possibilities of Comparative Analysis] // *Politeia*, no. 4 (87): 6—22. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4\(87\)-3-22.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4(87)-3-22.pdf) (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Malinova O.Yu. (2018) “Obosnovanie politiki 2000-kh godov v diskurse V.V.Putina i formirovanie mifa o „likhikh devjanostykh“” [Justifying the Political Course of the 2000s and Constructing the Myth about “The Hard Nineties” in the Vladimir Putin’s Discourse] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 3: 45—69. (In Russ.)

Malinova O. (2022) “Constructing the Collective Trauma of „The Hard 1990s“ as a Disregarded Tool of Legitimation for Putin’s Authority” // *Nationalities Papers*, vol. 50, no. 3: 619—623.

Mastikova N.S. (2019) “Vosprijatie sotsial’noj spravedlivosti rossijanami na osnove dannykh evropejskogo issledovanija” [Perception of Social Justice by Russians according to the Data of a European Survey] // *Nauchnyj rezul’tat. Sotsiologija i upravlenie* [Research Result. Sociology and Management], vol. 5, no. 1: 39—51. URL: <http://rllinguistics.ru/media/sociology/2019/1/39-51.pdf> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Matskevich M. (2019) “Predstavlenija grazhdan Rossii ob istoricheskom proshlom: otnoshenie k istoricheskim sobytijam i istoricheskim dejatel’jam (na materialakh massovogo oprosa)” [Russian Citizens’ Perceptions of the Historical Past: Attitudes Toward Historical Events and Historical Figures (Based on the Data of the Mass Survey)] // Gorshkov M.K., ed. *Budushchee sotsiologicheskogo znaniya i vyzovy sotsial’nykh transformatsij (k 90-letiju V.A.Yadova). Mezhdunarodnaja nauchnaja konferentsija (Moskva, 28—30 nojabrja 2019 goda): Sbornik materialov* [The Future of Sociological Knowledge and the Challenges of Social Transformations (To the 90th

Anniversary of V.A.Yadov). International Scientific Conference (Moscow, November 28—30, 2019): Collection of Materials]. Moscow: FNISTS RAN: 472—475. (In Russ.)

Merzlyakova V.N. (2019) “Mediatizatsija kolektivnoj pamjati o 1990-kh gg. v runete” [Mediatization of the Collective Memory of the 1990s on the RuNet] // *Vestnik RGGU. Serija “Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul’turologija* [RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series], no. 8: 289—302. (In Russ.)

Molotov K.I., A.S.Maximova, and D.O.Khlevnyuk. (2021) “Sposoby konstruirovaniya ekspertnoj pozitsii v Youtube: video populjarnykh blogerov-istorikov o stalinskikh repressijakh” [Methods of Constructing Expertise on YouTube: Videos of Popular Bloggers-Historians on the Stalinist Repressions] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], no. 5: 92—117. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1965/1587> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

“Nastroenija, mnenija i otsenki naselenija v marte-oktjabre 1993 g.” [Moods, Opinions and Assessments of the Population in March through October 1993]. (1993) // *Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mnenija* [Economic and Social Changes: The Monitoring of Public Opinion], no. 8: 36—37. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/94/26> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

“Nastroenija, mnenija i otsenki naselenija” [Moods, Opinions and Assessments of the Population]. (1994) // *Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mnenija* [Economic and Social Changes: The Monitoring of Public Opinion], no. 6: 46—68. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/100/32> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

“Nastroenija, mnenija i otsenki naselenija” [Attitudes, Opinions, and Assessments of the Population]. (1998) // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* [The Russian Public Opinion Monitor], no. 6: 48—63. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/124/56> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Nora P. (1997a) “Comment écrire l’histoire de la France?” // Nora P., ed. *Les lieux de mémoire*. Vol. 2. Paris: Gallimard: 2219—2236.

Nora P. (1997b) “L’ère de la commémoration” // Nora P., ed. *Les lieux de mémoire*. Vol. 3. Paris: Gallimard: 4687—4719.

“Oktjabr’skaja revoljutsija [The October Revolution]. (2017) // *Levada-tsentr* [Levada Center], 05.04. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revoljutsiya-2/?ysclid=lljlym1fs3336613794> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

Omel’chenko E.L. and Ju.V.Andreeva. (2017) “Chto ostaetsja v semejnoy istorii: pamjat’ o sovetskom skvoz’ razgovor trekh pokolenij” [What Remains in Family History: the Memory of the “Soviet” in the Conversation of Three Generations] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 11: 147—156. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2017/2017_11/Omelchenko.pdf (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

“Opros molodykh o zhelanii zhit’ v drugom meste i v drugoe vremja” [Survey of Young People about Their Desire to Live in Another Place and at Another Time]. (2014) // *FOM* [Public Opinion Foundation], 28.09. URL: <https://fom.ru/TSennosti/12875> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

“Otnoshenie rossijan k politicheskim sobytijam v strane” [The Attitude of Russians to Political Events in the Country]. (1993) // *Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mnenija* [Economic and Social Changes: The Monitoring of Public Opinion], no. 8: 30–35. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/94/26> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

“Pamjat’ o vojne: Kak v rossijskikh sem’jakh khranjat pamjat’ o vojne?” [Memory of the War: How Do Russian Families Keep the Memory of the War?] (2020) // *FOM* [Public Opinion Foundation], 20.05. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14396> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

Petukhov V.V. (2020) “Idejno-politicheckie predpochtenija rossijan: smena diskursa” [Ideological and Political Preferences of the Russians: Changing of the Discourse] // *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial’naja praktika* [Sociological Science and Social Practice], vol. 8, no. 4: 25–43. (In Russ.)

Petukhov V.V. and R.E.Barash. (2014) “Russkie i „Russkij mir“: istoricheskij kontekst i sovremennoe prochtenie” [The Russians and the “Russian World”: The Historical Context and the Contemporary Interpretation] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 6: 83–101. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2014/66/2014-6-PETUKHOV.pdf> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Pickering M. and E.Keightley. (2006) “The Modalities of Nostalgia” // *Current Sociology*, vol. 54, no. 6: 919–941.

Pipia K. (2020) *Struktura i vosproizvodstvo pamjati o Sovetskom Sojuze* [Structure and Reproduction of Memory of the Soviet Union]. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/03/Pamyat-o-Sovetskom-Soyuze.pdf> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

Pokida A.N. and N.V.Zybunovskaya. (2016) “Dinamika istoricheskoy pamjati v rossijskom obshchestve (po rezul’tatam sotsiologicheskogo monitoringa)” [Dynamics of the Historical Memory in the Russian Society (Results of Sociological Monitoring)] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 3: 98–107. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_3/98-107_Pokida_.pdf (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Polnaja entsiklopedija popadantsev v proshloe. 26-ja redaktsija [The Complete Encyclopedia of Back in Time. 26th Edition]. URL: http://samlib.ru/i/isaew_a_w/popadanec26.shtml (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Popova O.V. and N.V.Grishin. (2023) “Politicheskaja identichnost’ rossijskoj molodezhi v samoocenke i ocenke ekspertov” [Political Identity of Russian Youth in Self-Assessments and Experts’ Assessments] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 2: 140–162. (In Russ.)

Poushter J. (2017) “Worldwide, People Divided on Whether Life Today Is Better Than in the Past” // *Pew Research Center*, 5.12. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2017/12/05/worldwide-people-divided-on-whether-life-today-is-better-than-in-the-past/> (accessed on 8.09.2023).

“Puteshestvie po otechestvennoj istorii” [Journey through National History]. (2023) // *VTsIOM* [Russian Public Opinion Research Center], 27.03. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii?ysclid=llia2qcrmv896091454> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

Ries N. (1997) *Russian Talk: Culture and Conversation during Pe-restroika*. Ithaca, London: Cornell University Press.

Shevchenko O. (2009) *Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow*. Bloomington: Indiana University Press.

“Spravedlivost’ i nespravedlivost’” [Justice and Injustice]. (2022) // *FOM* [Public Opinion Foundation], 06.10. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14469> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

Thomson A. (2011) “Memory and Remembering in Oral History” // Ritchie D.A., ed. *The Oxford Handbook of Oral History*. New York: Oxford University Press: 77–95.

“Tsennosti, orientatsii i uchastie v politicheskoi zhizni rossijskogo molodogo pokolenija” [Values, Orientations and Participation in Political Life of the Russian Young Generation]. (2020) // *Levada-tsentr* [Levada Center], 30.06. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoi-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/?ysclid=lmqkpwgqw146224599> (accessed on 18.09.2023). (In Russ.)

“Tsennostnaja solidarizatsija i obshchestvennoe doverie v Rossii” [Value Solidarization and Public Trust in Russia]. (2019) // *ZIRCON*. URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/fact> (accessed on 08.09.2023). (In Russ.)

Utekhin I.V. (2021) “Vizual’nye obrazy 1990-kh v Instagrame: Kom-mertsializatsija nostal’gii” [The Visual Images of the 1990s in Instagram: a Commercialization of Nostalgia] // *Tempus et Memoria*, vol. 2, no. 3: 60–72. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/108159/1/tetm-3-2021-07.pdf> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

“Vosprijatie „devjanostykh“” [Perception of the “Nineties”]. (2020) // *Levada-tsentr* [Levada Center], 06.04. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/06/vosprijatie-devyanostyh/> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

“Vosprijatie naseleniem novykh nezavisimykh gosudarstv obshchej istorii 20 veka. Analiticheskij otchet” [Perception of the Common History of the 20th Century by the Population of the Newly Independent States. Analytical Report]. (2009) // *EvrAzijskij monitor* [Eurasian Monitor], 22.08. URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-18-28> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

“Vozvrashchenie Putina: „neozastoj“ — ili novyj impul’s k razvitiyu strany?” [Putin’s Return: “Neo-Stagnation” — or a New Impetus to the Country’s Development?] (2011) // *VTsIOM* [Russian Public Opinion Research Center], 22.11. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/-vozvrashchenie-putina-neozastoj-ili-novyj-impuls-k-razvitiyu-strany-> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)